

ЧАСТЬ I

ИСТОРИЯ В ИНФОРМАЦИОННОМ ОБЩЕСТВЕ

М.С. Бобкова

ИНФОРМАЦИОННЫЕ ЛАБИРИНТЫ ИСТОРИИ

В статье анализируются механизмы существования и трансляции современного исторического знания, определяются и характеризуются основные социальные сегменты, в которых реализуется процесс организации передачи информации о прошлом. Сам же этот процесс, его содержательное наполнение определяется исторической политикой государства. На основе анализа современной ситуации методологического и институционального кризиса исторической науки, предпринимается попытка определения ее статуса, функциональных возможностей в изменившемся информационном пространстве. Автор показывает, каким образом в обществе осуществляется коммуникативный дискурс истории, отражающий и формирующий историческое сознание как человека, так и общества в целом.

Ключевые слова: методологический и институциональный кризис истории, информационное общество, коммуникации, историческая культура.

Об авторе: Бобкова Марина Станиславовна, доктор исторических наук, главный научный сотрудник, руководитель Центра истории исторического знания Института всеобщей истории РАН. Москва, 119334, Ленинский проспект, 32-А. bobkova_marina@list.ru.

В 2010 г. Центр истории исторического знания Института всеобщей истории РАН заявил в план научных мероприятий тему, связанную с изучением феномена исторической политики. Само понятие «Geschichtspolitik» возникнув в конкретной исторической ситуации и в конкретное время, теперь стало общим местом и имеет целый ряд разнообразных коннотаций¹. На наш взгляд, главная задача исторической политики состоит в создании системы ориентиров, своеобразной ментальной карты современного общества, размечающей территорию прошлого. Отсутствие таких ориентиров или утверждение системы мнимых, ложных ориентиров может стать огромной проблемой в процессе формирования исторического сознания. В одних странах политика государства в отношении прошлого формируется в условиях возможности публичной дискуссии, позволяющей обществу осуществлять давление на власти, в других – участие государства в формировании представлений о прошлом часто воспринимается как стремление к установлению цензуры и ограничению свободы научного исследования. Но по своей сути историческая политика представляет собой *организацию передачи информации об историческом прошлом*. В той или иной форме этим занимались и занимаются все государства. Для нас важно понять каким образом коммуникативный дискурс истории осуществляется в обществе в целом, и тех его слоях, к которым обращаются историки и для которых создаваемая ими история обретает или не обретает смысл. Потому что история (по мнению Антуана Про) – это прежде всего социальная практика, а уж потом научная. Точнее, ее научные цели являются в то же время способом выражения своего мнения и своего смысла

¹ Историческая политика в XXI веке. 2012; Историческая политика в России и Польше. URL http://igiti.hse.ru/Meetings/Debaty2013_report; Историческая политика. Pro et contra. 2009.

в данном обществе, а эпистемология истории сама отчасти является историей.

Процесс организации передачи информации о прошлом реализуется в четырех основных сегментах общества – scholarly среде (среднее и высшее образование), профессиональном пространстве историков, в медийном пространстве и в стратегиях государственной власти.

Рубеж XX – XXI вв., на общем фоне возрастания интереса к событийной истории у довольно широкого круга непрофессиональных историков, выявил серьезные рецидивы аисторичности как в профессиональной среде, так и в картине мира современного человека. Удобно созерцаемая, ничему не обучающая история как обряженная в наряды прошлого современность – вот что сегодня весьма притягательно для массового сознания. В связи с этим отметим, что профессиональное историческое знание и самые разные формы и способы его популяризации призваны сегодня играть важную роль в обществе.

Кроме того, мы должны учитывать, что многим специалистам-гуманитариям весьма непросто разобраться в современной ситуации, сложившейся в самой исторической науке, которая характеризуется поиском и открытием новых методов и подходов к анализу источниковедческой базы, переоценкой уже имеющегося методологического арсенала и особой рефлексией, приводящей к переосмыслению роли историка и места исторической науки в обществе. В исторической науке, прошедшей в 90-е гг. через разрушение марксистско-ленинских методологических основ познания, трансформировавшейся под влиянием постмодернизма, появились сомнения в самой возможности адекватного воспроизведения прошлого на основе имеющегося инструментария. Многие усомнились в познавательных возможностях истории как науки. Историки-профессионалы заново примеривали на себя то христианскую философию истории, то антропологические подходы и лингвистический поворот, то теории неопозитивизма, а то и вовсе концепции гибели и конца истории. Что это? Свидетельство кризиса, ведущего в тупик или, напротив,

преддверие нового взлета историзма, осмысленного в категориях наступившей эпохи, обещающей в связи с компьютеризацией и созданием мультиинформационных сетей совершенно иной уровень информационной насыщенности и возможности воссоздания имевших место реальностей и конструирования новых квазиреальностей?

Кризис идентичности исторической профессии, ставший очевидным в науке на рубеже XX – XXI вв., имеет прямое отношение к глубинным процессам, происходящим в историческом знании. Так, констатируя «головокружительное расширение вселенной историков», выразившееся в частности в дифференциации все более специализирующегося знания, П. Берк пишет, что ценой такого расширения явился кризис самоопределения историков и, как следствие, отсутствие ориентиров, что делает невозможным достижение «тотальной истории», которую отстаивал Ф. Бродель². Анализируя методологические проблемы современной истории, известный французский историк Р. Шартье в одной из своих последних работ дает ей знаковое название «На краю обрыва»³. Не менее известный в профессиональных кругах американский историк Т.С. Хеймроу прямо квалифицирует нынешнюю ситуацию как историографическую революцию «наиболее масштабную» из всех со времени их возникновения более 2000 лет назад⁴. Таким образом, очевидно, что сегодня мы имеем дело с кризисным типом историзма, определяющим информационное пространство истории и сопровождающемуся *институциональным кризисом исторической науки*.

Проявления его для всех очевидны – серия диссертационных скандалов, реформирование ВАК, дискуссии во-

² Берк П. «Новая история», ее прошлое и будущее// Imagines Mundi. Альманах исследований всеобщей истории XVI - XX вв. № 3. Интеллектуальная история. Вып. 1. Екатеринбург. 2004. С. С.91 - 115.

³ Р. Шартье. 2005.

⁴ Hannerrow T.S. 1987, 14.

круг единого школьного учебника по отечественной истории, наконец, разгром РАН. Это проявления, а причина, на мой взгляд, кроется непосредственно в слабости научного сообщества. Пережив раскол, историческая профессия не создала никакой инстанции внутреннего регулирования, аналогичной крупным американским научным ассоциациям. Между тем на фоне существования различных властных стратегий, развертывающихся под прикрытием разговоров о развитии науки, общепризнанная инстанция научного арбитража была бы просто необходима. Но где ее взять?

По сути, научные конференции должны были бы представлять собой определенные «моменты научной истины». Но последние годы показывают, что научные мероприятия все чаще носят презентационный характер, хотя и сохраняют некоторые черты профессиональной коммуникативной площадки. К тому же научные мероприятия слишком многочисленны, чтобы считать все из них честными и научно оправданными. Нет сомнения, что их организаторы преследуют научные цели. Однако они также стремятся заявить о себе или о своем учреждении как о легитимной научной инстанции в соответствующей области. Конференция обязательно предполагает дискуссию. Бывают среди них и интересные, однако часто эти дискуссии не несут ничего нового. Самыми интересными участниками таких мероприятий являются начинающие историки, поскольку им необходимо заявить о себе и добиться признания, они остаются в зале заседаний дольше других. Заслуженные же историки, имеющие много разных обязанностей, ограничиваются тем, что свидетельствуют свой интерес к теме и организаторам и спустя какое-то время уходят, некоторые приходят на свой доклад и иногда даже не дожидаясь дискуссии уходят. Все это лишний раз доказывает, что в данном случае истинные цели лежат не в русле науки, а в русле профессионального общения и властной стратегии.

О ситуации с защитой кандидатских и докторских диссертаций по истории в нашей стране я говорить не буду, думаю все и так пресыщены этой темой.

Теперь я напомним и то, что история существует в условиях двойного «рынка». С одной стороны, это «рынок» академический, где научная компетентность подтверждается учеными трудами и признанием коллег. С другой — «рынок» широкой публики. Здесь самыми похвальными качествами являются вовсе не новизна и не оригинальность метода. Здесь ценится прежде всего то, что может обеспечить успех у не сведущих в данных вопросах людей: масштабность и увлекательность темы, эlegantная и обобщенная ее подача, не отягощенная справочным аппаратом. Иногда это также идеологический заряд произведения или способность автора и издательства «раскрутить» свой продукт по всем законам рынка, на котором все решает мнение большинства.

Риск влияния на научное мнение медиа вполне реален, а это ведет к риску признания на профессиональном рынке заслуг, завоеванных на рынке широкой публики. Вполне возможно, что скоро историки будут получать право на руководство исследованиями, а затем и университетскими кафедрами на основании участия в телепрограммах или на основании репутации, которую им создадут журналисты, ни разу не побывавшие ни в одном архивном хранилище и не прочитавшие по настоящему ни одной научной работы. Эта опасность особенно грозит истории. Прежде всего, это объясняется тем интересом, который история вызывает у широкой публики: непрофессионал гораздо охотнее возьмется за книгу по истории, чем за разбор доказательства теоремы Пуанкаре. Во-вторых, опасность очевидна из-за слабости профессионального сообщества.

Медийная среда здесь мы имеем в виду технических средств передачи информации, технологии и институты, через которые централизованно распространяется информация крупным, гетерогенным и географически рассеянным аудитория. Это с одной стороны, а с другой — это все, чем мы живем, все, что тиражирует и производит информацию и даже то, что потребляет информацию, по Никласу Луману.

Прежде всего, отмечу, что, действительно, нет структуры, связанной с грамотным подходом к историческому освещению событий, причем событий, которые транслируются, часто производятся, перепроизводятся или переформатируются массмедиа. Так вот, если мы говорим об информационной среде истории, здесь степень наукоемкости напрямую зависит от того, в какой степени профессиональные ученые способны координировать деятельность тех, кто непосредственно занимается информационной политикой.

Никлас Луман в книге «Реальные массмедиа» говорит о том, что массмедиа выполняют функцию, которую для историков выполняет историческая эпистемология, которая рефлексировать не только о прошлом, но и о человеческих ситуациях в которых прошлое стало историей (Андреас Буллер)⁵. Что делают массмедиа? Массмедиа, которые питаются событиями и производят события, они поступают намного сложнее, чем даже профессиональные историки, но делается это стихийно. Что они делают? Они сопоставляют объект и то, что пытаются его осмыслить, то есть саму мысль об объекте. То есть выводит на политическую сцену и некоторые события реальные, и их интерпретации, и те нарративы, которые предлагаются в качестве замены реальным событиям, там, где уже есть логика, там, где уже есть зачин, там, где есть интрига, там, где есть все, что необходимо для рассказа, но то, чего нет и чаще всего и не бывает в реальной истории. То есть вот когда массмедиа рассказывают одновременно множество историй, то возникает, во-первых, повод задуматься о том, насколько они адекватны, а во-вторых, заинтересоваться тем объектом, который изучается. Чем занимается философия истории? По сути, тем же самым. Человек, который работает в исторических парадигмах, видит какой-то объект, над которым мыслит, фиксирует свою мысль (то есть рефлексировать, контролирует ее) и занимается вопросом,

⁵ Niklas Luhmann. 1996.

как связана логика его мысли и вот та внутренняя логика самого события, зафиксированного в источнике, если она есть. Можно ли ее открыть, можно ли ее реконструировать и, в какой степени, эта историческая реконструкция в принципе достижима?

Пожалуй, следует согласиться с мнением о том, что эволюция СМИ в постсоветский период развивалась как движение от политизации истории к *историзации политики*⁶, и Пьера Нора ясно показал, что такое развитие не является специфически российским, но наблюдается и в других странах⁷. В числе факторов, оказывающих существенное влияние на медийную среду, важнейшими, являются:

- «архивная революция», повлекшая за собой массовое непрофессиональное использование исторических источников; изменение политического контекста исторических дискуссий, обусловившее перемещение центра внимания с ряда исторических персонажей на репертуар реформаторских приёмов;
- депрофессионализация в сфере исторической журналистики, приведшая не только к существенному снижению качества историко-публицистических и научно-популярных текстов, но и к децентрализации информационного пространства и размыванию консенсуального образа прошлого, что, в свою очередь, порождает попытки сформировать такой образ с помощью государственного вмешательства;
- потребность в переопределении коллективной идентичности, находящая себе выражение в та-

⁶ Татьяна Филиппова. Доклад «"Единство судьбы". "Историческое обеспечение" национального самосознания и историзация политики в современной России». URL http://igiti.hse.ru/Meetings/Debaty2013_report

⁷ Pierre Nora. 1996, 3.

ких конструктах, как «российская нация», апеллирующих к общности исторической судьбы;

- отсутствие адекватного языка для описания собственной истории.

В сложившейся ситуации профессиональным историкам необходимо не только отказаться от высокомерного отношения к популяризации научного знания о прошлом в его публичном измерении, но и напрямую заняться формированием культурных и научных фильтров для тех конечных продуктов, на которые направлена историческая политика власти.

Литература

- Историческая политика в XXI веке: Сборник статей. М.: Новое литературное обозрение, 2012. 648 с.; Историческая политика в России и Польше. URL http://igiti.hse.ru/Meetings/Debaty2013_report; Историческая политика. Pro et contra. Т. 13, №3-4, МАЙ-АВГУСТ 2009.
- Бобкова М.С.* Historia pragmata. Формирование исторического сознания новоевропейского общества. м.: иви ран, 2010. 329 с.
- Боден Жан.* Метод легкого познания истории. М., 2000 / Пер., комментарий, статья М.С. Бобковой.
- Берк П.* «Новая история», ее прошлое и будущее// *Imagines Mundi*. Альманах исследований всеобщей истории XVI-XX вв. № 3. Интеллектуальная история. Вып. 1. Екатеринбург. 2004. С. 91-115.
- Татьяна Филиппова.* Доклад «"Единство судьбы". "Историческое обеспечение" национального самосознания и историзация политики в современной России». URL http://igiti.hse.ru/Meetings/Debaty2013_report
- Р. Шартье.* По краю обрыва: верить ли историку в достоверность истории? СПб., 2005.
- J. Bodinus* Metodus ad facilem cognicionem historiarum. Parisiis, 1566.
- Hamerrow T.S.* Reflections on History and Historians. Madison, 1987. P. 14.
- Niklas Luhmann.* Die realitat der massenmedien. 2., erweiterte Auflage. Opladen: Westdeutscher Verlag, 1996. 219 s.

Pierre Nora. General Introduction: Between Memory and History
// *Realms of Memory: The Construction of the French Past* / Edited
by Pierre Nora, English-language edition edited by Lawrence
D. Kritzman, translated by Arthur Goldhammer. Vol. I. N-Y,
1996. P. 3.